

Готфрид Бюргер

**Удивительные путешествия
барона Мюнхгаузена**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г74

Г74 **Готфрид Бюргер**
Удивительные путешествия барона Мюнхгаузена / Готфрид Бюргер – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 54 с.

ISBN 978-5-4241-2706-9

Готфрид Август Бюргер (нем. Gottfried August Burger; 31 декабря 1747, Мольмерсвенде — 8 июня 1794, Гёттинген) — немецкий поэт.

Сын пастора. Получил юридическое образование. Один из выразителей идей «Бури и натиска». В литературной деятельности вначале подражал поэтам рококо. Опираясь на фольклорные традиции, создал новый для немецкой литературы жанр серьёзной баллады, введя элементы чудесного, таинственного, иррационального. В его балладах действуют мертвецы, привидения, оборотни.

Образом нового типа баллады стала «Lenore» («Ленора», (1773), известная в многочисленных переводах и подражаниях (русский одноименный перевод В. А. Жуковского, два вольных подражания Жуковского — «Людмила» и знаменитая «Светлана», вольный перевод П. А. Катенина под названием «Ольга», другие переводы), и близкая к ней баллада «Der wilde Jäger» («Дикий охотник», 1786) и другие.

Бюргеру также принадлежат эпиграммы, переработка знаменитой «Истории барона Мюнхгаузена» Р. Э. Распе (1786).

ISBN 978-5-4241-2706-9

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Бюргер Готфрид Август
Удивительные путешествия
барона Мюнхгаузена

Готфрид Август Бюргер
Удивительные путешествия барона Мюнхгаузена
на воде и на суше, походы и веселые приключения, как он обычно
рассказывал о них за бутылкой вина в кругу своих друзей
Верьте, почтенные господа,
Умный не прочь пошутить иногда.

БАРОНА ФОН МЮНХГАУЗЕНА СОБСТВЕННОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Я выехал из дома, направляясь в Россию, в середине зимы, с полным основанием заключив, что мороз и снег приведут, наконец, в порядок дороги в северной Германии, Польше, Курляндии и Лифляндии, которые, по словам всех путешественников, еще хуже, чем дороги, ведущие к храму Добродетели, не потребовав на это особых затрат со стороны достопочтенных и заботливых властей в этих краях. Я пустился в путь верхом, ибо это самый удобный способ передвижения, если только с конем и наездником все обстоит благополучно. При таких условиях не рискуешь ни дуэлью с "учтивым" немецким почтмейстером, не зависишь от прихоти томящегося жаждой почтового ямщика, который станет заворачивать по пути в каждый трактир. Одет я был довольно легко, и это становилось все неприятнее по мере того, как я продвигался на северо-восток.

Так вот, пусть представят себе, как должен был чувствовать себя в этом суровом климате бедный старик, лежавший где-то в Польше, на пустыре, по которому гулял северный ветер. Беспомощный и дрожащий, он не имел даже чем прикрыть свою наготу.

Мне до глубины души стало жаль беднягу. Хоть у меня самого душа в теле замерзала, я все же накинул на него свой дорожный плащ. И тут внезапно из поднебесья донесся голос, восхвалявший столь добрый поступок в следующих выражениях, обращенных ко мне:

- Черт меня побери, сын мой, тебе за это воздается!

Я не придал этому значения и продолжал путь, пока ночь и мрак не окутали меня. Ни один огонек, ни один звук не говорили о близости хоть какой-нибудь деревушки. Все кругом было замечено снегом, и я не различал, ни дорог, ни троп.

Утомленный ездой, я соскочил наконец с коня и привязал его к какому-то подобию остроконечного бревна, торчавшего из-под снега. Подложив на всякий случай под руку свой пистолет, я улегся неподалеку в снег и так крепко уснул, что открыл глаза только тогда, когда было уже совсем светло. Как же велико было мое удивление, когда я убедился, что лежу на кладбище в какой-то деревне! Коня моего нигде не было видно, но вдруг где-то высоко надо мной послышалось ржание. Я взглянул вверх и увидел, что он привязан к флюгеру на церковной колокольне и болтается в воздухе. Тут я сразу все сообразил. Дело в том, что деревня ночью была вся засыпана снегом. Погода неожиданно переменилась, и, по мере того как снег таял, я, не просыпаясь, потихоньку опускался все ниже. То, что в темноте показалось мне торчащим из-под снега бревном или пнем, к которому я привязал коня, было не то крестом, не то флюгером на колокольне.

Не задумываясь, я вытащил пистолет, выстрелил в недоуздок и, благополучно вернув себе таким образом коня, пустился в дальнейший путь.

Все шло прекрасно, пока я не добрался до России, где зимой не принято путешествовать верхом. Так как обычно я придерживался местных обычаев, то и

на сей раз добыл маленькие одноконные беговые санки и весело помчался в Санкт-Петербург.

Не могу сейчас точно сказать, было ли это в Эстляндии или в Ингерманландии, помню только, что случилось это в дремучей лесной чаще, когда я вдруг увидел, что за мной со всех ног несется чудовищной величины волк, подгоняемый нестерпимым зимним голодом. Он вскоре настиг меня, и спастись от него не было никакой надежды. Машинально кинулся я ничком в сани, предоставив лошади, во имя общего нашего блага, полную свободу действий. И тут почти сразу произошло именно то, что я предполагал, но на что не смел надеяться. Волк, не удостоив такую мелкоту, как я, своим вниманием, перескочил через меня, с яростью накинулся на лошадь, растерзал и сразу же проглотил всю заднюю часть бедного животного, которое от страха и боли понеслось еще быстрее. Отделавшись, таким образом, благополучно, я тихонько приподнял голову и, к ужасу своему, увидел, что волк чуть ли не целиком вгрызся в лошадь. Но лишь только он успел забраться внутрь, как я, со свойственной мне быстротой, схватил кнут и принялся изо всей мочи хлестать по волчьей шкуре. Столь неожиданное нападение, да еще в то время, как он находился в таком футляре, не на шутку напугало волка. Он изо всех сил устремился вперед, труп лошади рухнул наземь, и - подумать только вместо нее в упряжке оказался волк! Я не переставал стегать его кнутом, и мы бешеным галопом, вопреки нашим общим ожиданиям и к немалому удивлению зрителей, в полном здравии и благополучии въехали в Санкт-Петербург.

Боюсь, милостивые государи, наскучить вам рассказами об образе правления, искусстве, науках и других достопримечательностях этой изумительнейшей столицы России и еще менее хочу занимать вас повествованием о всяких интригах и веселых приключениях в высшем обществе, где хозяйка дома имеет обыкновение приветствовать гостя рюмкой водки и звонким поцелуем. Я стремлюсь привлечь ваше внимание к более важным и благородным предметам, а именно - к лошадям и собакам, большим любителям которых я всегда был, далее к лисицам, волкам и медведям, а их, как и всякой другой дичи, в России такое изобилие, что ей может позавидовать любая другая страна на земном шаре, и, наконец, ко всякого рода увеселениям, рыцарским состязаниям и славным подвигам, которые более к лицу дворянину, чем крохи затхлой латыни и греческой премудрости или раздушенные саше, завитые коки и выкрутасы французских тонченных остряков и парикмахеров.

Ввиду того, что потребовалось известное время, пока я был зачислен в армию, у меня осталось несколько месяцев досуга, когда я мог и дни свои и деньги растрачивать благороднейшим образом, как подобает истинному дворянину.

Не одна ночь протекла за игорным столом, и немало ночей - под звон полных бокалов. Холодный климат и нравы страны отвели бутылке, среди других светских развлечений, в России гораздо больше места, чем в нашей трезвой Германии. Мне приходилось поэтому встречать там людей, которые в благородном искусстве выпивки имели право считаться подлинными виртуозами. Но все они были лишь жалкие недоучки по сравнению с седобородым генералом с медно-красным лицом, обедавшим с нами за общим столом.

Почтенный старичок, который в одном из боев с турками утратил верхнюю часть черепа, имел поэтому обыкновение, знакомясь с новыми людьми, с учтивым

простодушием извиняться за то, что вынужден за столом оставаться в головном уборе. За трапезой он неизменно опорожнял несколько бутылок водки и заканчивал обычно фляжкой аррака или же, смотря по обстоятельствам, раз-другой начинал сначала. И все же никогда нельзя было уловить в нем ни малейшего признака опьянения. Вам трудно этому поверить? Я готов извинить вас, милостивые государи. Это было и для меня непостижимо. Долго я не знал, чем это объясняется, пока мне, наконец, не удалось найти ключ к загадке...

У генерала была привычка время от времени слегка приподнимать шляпу. Мне нередко приходилось это видеть, но я не придавал этому значения. То, что ему становилось жарко, казалось вполне естественным, и то, что он старался освежить голову, также не вызывало удивления. Но в конце концов мне удалось заметить, что он вместе со шляпой приподнимает прикрепленную к ней серебряную пластинку, заменявшую ему недостающую часть черепа, и тогда весь пар от поглощенных им спиртных напитков взвивался ввысь в виде небольшого облачка. Загадка была разгадана!

Я поделился своими наблюдениями кое с кем из добрых моих друзей и, ввиду того, что как раз стемнело, взялся немедленно произвести опыт и доказать свою правоту. Я встал, не выпуская из рук трубки, за спиной генерала и, когда он приподнял шляпу, при помощи клочка горячей бумажки поджег взвившийся над его головой пар. И тогда перед нами предстало столь же неожиданное, сколь и красивое зрелище. В одно мгновение я превратил столб пара над головой нашего героя в огненный столб, а часть испарений, задержавшаяся в пространстве между волосами и шляпой генерала, вспыхнула голубым огнем, образовав некое подобие сияния, прекраснее любого нимба, когда-либо озарявшего чело самого прославленного святого. Скрыть от генерала произведенный мною опыт было невозможно. Но он ничуть не разгневался и даже впоследствии неоднократно разрешал повторять эксперимент, придававший ему столь возвышенный вид.

Не стану останавливаться на ряде других веселых проделок, так как собираюсь рассказать вам о разнообразных охотничьих приключениях, которые кажутся мне более замечательными и забавными.

Вы легко можете себе представить, милостивые государи, как хорошо я чувствовал себя в обществе добрых приятелей, по достоинству умевших ценить обширный, ничем не огороженный лес для охоты. Разнообразие, свойственное таким развлечениям, а также исключительная удача, сопутствовавшая любой моей проделке, вспоминаются и сейчас с особым удовольствием.

Однажды утром я увидел, что большой пруд, находившийся почти под самыми окнами моей спальни, буквально усеян дикими утками. Я мгновенно схватил стоявшее в углу ружье и сломя голову бросился вниз по лестнице. Все это произошло столь стремительно, что я ударился лицом о дверной косяк. Искры посыпались у меня из глаз. Это, однако, ни на секунду не задержало меня. Но едва я вскинул ружье, как к великой своей досаде заметил, что при ударе о дверь соскочил даже кремьень с ружейного курка. Что делать? Времени терять было нельзя.

К счастью, я вспомнил то, что сейчас произошло с моими глазами. Итак, я взвел курок, прицелился в диких птиц и ударил кулаком себя в глаз. Из него снова посыпались искры. Раздался выстрел, и я подбил пять пар уток, четыре красношейки и пару лысух. Находчивость порождает героические поступки!

Если воин и моряк с ее помощью нередко избегают опасности, то охотник не менее часто бывает обязан ей своей удачей.

Случилось однажды, что по озеру, на которое я набрел во время охоты, плавало несколько дюжин диких уток. Они были так далеко друг от друга, что я не мог надеяться сбить каждым выстрелом больше одной. А на беду, у меня оставался только один, последний заряд. Между тем мне очень хотелось захватить с собой всех уток, так как я в ближайшее время собирался пригласить в гости большую компанию друзей и знакомых.

И тут я вдруг вспомнил о кусочке свиного сала, уцелевшем на дне моего ягдташа от взятого с собой завтрака. Я прикрепил этот кусочек к концу довольно длинного собачьего поводка, который я вдобавок расплел, удлинив его таким образом раза в четыре. Укрывшись в береговом камыше, я закинул в воду этот кусочек сала и с радостью увидел, как ближайшая утка быстро подплыла и проглотила его. За первой вскоре последовали и все остальные, и так как прикрепленный к шнуру скользкий кусочек сала очень быстро выходил сзади непереваренным, то его проглатывала следующая, и так все, одна за другой. Короче говоря, кусочек сала пропутешествовал по внутренностям всех уток, не оторвавшись от шнура. Утки были нанизаны на шнуре, словно бусы на нитке. Я с удовольствием выгачил их на берег, обмотал шнур раз десять вокруг себя и направился в обратный путь.

До дому было еще довольно далеко, и так как весило такое множество уток порядочно и тащить их было тяжело, я уже почти готов был пожалеть о том, что столько их наловил. Но тут меня выручило необычайное происшествие, сначала немало смутившее меня. Дело в том, что все утки были еще живы. Оправившись от первого испуга, они изо всех сил стали бить крыльями и поднялись со мною ввысь. Многие при подобных обстоятельствах потеряли бы голову, но я умело использовал свое положение: пустив в ход вместо руля полы своего сюртука, я направил полет в сторону дома.

Оказавшись над своим жильем и желая без вреда для себя опуститься вниз, я стал свертывать уткам одной за другой шеи и таким образом медленно и мягко скользнул вниз прямо через трубу на плиту моей кухни, в которой, на счастье, еще не был разведен огонь. Все это к немалому испугу и удивлению моего повара.

Нечто подобное мне пришлось однажды проделать со стайей куропаток.

Я вышел из дому, намереваясь испробовать новое ружье, и уже растратил весь свой запас дробы, как вдруг из-под моих ног совершенно неожиданно вспорхнула стая куропаток. Желание видеть вечером несколько штук из них у себя на столе заставило меня придумать способ, к которому и вы, милостивые государи, можете вполне в случае надобности прибегнуть, положившись на мое слово. Заметив, куда опустились куропатки, я поспешно зарядил ружье, используя для этого вместо дробы шомпол, верхний конец которого я, насколько возможно в такой спешке, немного заострил. Затем я подкрался к куропаткам и, лишь только они вспорхнули, выстрелил и имел удовольствие наблюдать, как мой шомпол с нанизанными на нем семью куропатками в нескольких шагах от меня медленно опускался на землю. Бедным птицам оставалось лишь удивляться, что они так рано оказались на вертеле! Да, как я уже говорил, в жизни всегда нужно уметь найти выход.

В другой раз в одном из дремучих лесов России я поднял великолепную черно-бурую лисицу. Очень уж жалко было продыривить пулей или дробью ее драгоценную шкуру! Кумушка стояла вплотную у дерева. Я мгновенно вытащил из дула пулю, зарядил ружье здоровенным гвоздем, выстрелил и попал так удачно, что крепко пригвоздил лисий хвост к стволу. Тогда, спокойно подойдя к своей добыче, я вынул охотничий нож, крест-накрест рассек лисице морду, а затем, пустив в ход плетку, выколотил ее из собственной шкуры, да так ловко, что любо было поглядеть на такое чудо.

Случай и удача подчас помогают исправить совершенную ошибку. Лучшим примером может служить то, что я пережил несколькими днями позже, когда в самой гуще леса увидел бежавших друг за другом дикого поросенка и веприцу. Я выстрелил, но промахнулся. Поросенок продолжал свой путь, но веприца, не шевелясь, замерла на месте, словно пригвожденная к земле. Когда мне удалось присмотреться внимательнее, я убедился, что веприца слепа и держит в зубах хвостик своего поросенка, который, выполняя сыновний долг, служил ей поводьрем. Моя пуля, пролетев между ними, порвала поводок, кончик которого старая веприца все еще сжимала в зубах. И теперь, когда поводьрь уже не вел ее дальше, она остановилась. Я ухватился за оставшийся кончик поросычьего хвостика и без всякого труда и сопротивления с ее стороны отвел старое, беспомощное животное к себе домой.

Как ни страшны порой вепри, но кабаны гораздо страшнее и опаснее. Мне случилось однажды в лесу встретиться с кабаном, когда я не был готов ни к нападению, ни к самозащите. Едва успел я укрыться за деревом, как разъяренный зверь кинулся ко мне и попытался нанести мощный боковой удар. Но клыки его так глубоко вонзились в ствол дерева, что он оказался не в состоянии сразу выдернуть их и повторить свою попытку.

"Ага! - подумал я. - Теперь-то я справлюсь с тобой!" Не теряя времени, я схватил камень и так крепко вколотил клыки в дерево, что кабану уже никак нельзя было выдернуть их. Пришлось ему дожидаться, пока я добыл в соседней деревне телегу и веревки, чтобы живым и в полной сохранности доставить его к себе домой, что мне великолепно и удалось.

Вам, милостивые государи, без сомнения приходилось слышать о святом Губерте - покровителе охотников и стрелков, - а также и о красавце олене, который встретился ему однажды в лесу. У этого оленя между рогами возвышался святой крест. Я сам ежегодно в доброй компании совершал жертвоприношения этому святому Губерту. Что же касается оленя, то мне по меньшей мере тысячу раз приходилось видеть его изображение как в церквах, так и вышитым на гербах рыцарей. Так что, поверьте совести честного охотника, я не могу с уверенностью сказать, встречались ли только в старину такие крестовые олени или встречаются даже сейчас. Но разрешите лучше рассказать, что мне довелось увидеть собственными глазами.

Однажды, когда я уже потратил все свои заряды, передо мной неожиданно появился самый прекрасный олень, какого мне когда-либо приходилось видеть. Он так смело и не смущаясь глядел мне прямо в глаза, словно отлично знал, что патронташ мой пуст. Мгновенно зарядив ружье порохом и насыпав сверху целую горсть вишневых косточек, которые быстро очистил от мякоти, я выпустил оленю весь заряд прямо в лоб между ветвистыми рогами. Хотя выстрел и оглушил

его - он зашатался, - все же он умчался прочь.

Год или два спустя мне снова пришлось охотиться в том же лесу. И подумать только - внезапно передо мной появился стройный олень с прекрасно разросшимся между рогами вишневым деревом высотой больше десяти футов.

Мне сразу же вспомнилось мое приключение. Я рассматривал этого оленя как свою давнишнюю благоприобретенную собственность и одним выстрелом уложил его. Это доставило мне одновременно и жаркое, и отличный вишневый соус. Дело в том, что дерево было густо увешано плодами, да такими вкусными, каких мне не приходилось пробовать за всю свою жизнь.

Можно ли теперь поручиться, что какой-нибудь святой - страстный любитель охоты, священник или епископ - не воздвигнул подобным же образом с помощью выстрела крест между рогами оленя святого Губерта? Ведь эти господа издавна славилась своим умением наставлять кресты... да и рога тоже, и, пожалуй, сохранили за собой эту славу до наших дней.

В момент крайности, когда беда за ворот схватит, что нередко бывает с бравым охотником, он готов пуститься на все, ухватиться за что угодно, лишь бы не прозевать благоприятный случай. Мне самому не раз приходилось переживать подобный соблазн.

Что вы, к примеру, скажете о таком казусе?

Однажды в лесу, в Польше, иссяк мой запас пороха, и одновременно померк дневной свет. По пути домой на меня напал чудовищный медведь с разинутой пастью, готовый меня проглотить. Напрасно я в поисках пули и пороха поспешно обшаривал свои карманы. Я не нашел ничего, кроме двух кремней, которые обычно берешь с собой на всякий случай. Один из этих кремней я швырнул в пасть зверя, в самую глубину его глотки. Медведю моему это пришлось не по вкусу, и он сделал крутой поворот - налево кругом! - так что я вторым камешком мог запустить ему прямехонько в задние ворота. Все это получилось чудесно и великолепно. Камешек не только попал куда следует, но даже пролетел так далеко, что столкнулся с первым и выбил из него искру, от чего медведь взорвался с оглушительным треском.

Если верить слухам, то подобные ловко направленные камешки, особенно если они сталкивались с камешками, брошенными ранее, заставили взлететь в воздух не одного сварливого ученого и философа... Хотя я и остался на этот раз цел и невредим, мне все же не хотелось бы еще раз повторить этот опыт, другими словами - завязать знакомство с медведем, не имея при себе других средств самозащиты.

Но, верно, такова уж моя судьба, что самые дикие и опасные звери нападали на меня именно тогда, когда я был не в состоянии защищаться. Словно какой-то инстинкт предупреждал их о моей беспомощности.

Вот, например, однажды, едва я успел отвинтить камень от своего ружья, чтобы подточить его, как внезапно ко мне со страшным рычанием бросился разъяренный медведь. Единственное, что мне оставалось, это укрыться на дереве, чтобы там подготовиться к обороне. К несчастью, взбираясь на дерево, я уронил нож, которым только что орудовал, и у меня не было в руках ничего, чем бы я мог закрепить винт, который к тому же туго завинчивался. Медведь стоял у подножия дерева, и я каждую минуту мог ожидать, что он пожалует ко мне.

Выбивать ударом искры из глаз, как я однажды сделал, мне очень не хотелось,

потому что, не говоря уже о других мешавших мне обстоятельствах, проделанный мною тогда опыт вызвал сильную боль в глазах, которая и сейчас еще давала себя чувствовать.

С тоской глядел я на свой нож, вертикально торчавший на снегу под деревом. Но тоскливые взгляды не могли ничем помочь делу. Наконец у меня мелькнула мысль, столь же необыкновенная, сколь и удачная. Я направил струю жидкости, которая в минуты страха у человека всегда имеется в избытке, прямо на черенок моего ножа. Царивший в то время жестокий холод мгновенно заморозил струю, так что через несколько мгновений от черенка протянулась ледяная сосулька такой длины, что она достала до нижних ветвей дерева. Ухватив удлинившийся черенок, я без особого труда, но с большой осторожностью подтянул нож к себе наверх. Только я успел с помощью ножа привинтить кремень, как косолапый начал взбираться на дерево.

"Вот уж в самом деле нужно быть сообразительным как медведь, чтобы с такой точностью рассчитать время!" - подумал я и встретил мохнатого гостя таким гостинцем, что он навеки разучился лазать по деревьям.

Точно так же в другой раз на меня с такой стремительностью набросился страшный волк, что мне ничего не оставалось, как инстинктивно сунуть кулак прямо в разинутую пасть. Для большей верности я проталкивал кулак все глубже и глубже, так что рука моя по самое плечо ушла внутрь. Но что было делать дальше? Не стану утверждать, что такое беспомощное положение было мне уж очень по душе. Ведь представьте себе только: лицом к лицу с волком!

Мы поглядывали друг на друга не так чтобы очень нежно.

Стоило мне вытащить руку назад - и зверюга с еще большей яростью накинулся бы на меня. Это можно было ясно и отчетливо прочесть в его горящих злобой глазах. Короче говоря, я ухватился за его внутренности, дернул и вывернул наизнанку, как рукавицу, затем швырнул его на землю и оставил там лежать.

Однако такую штуку я не решился выкинуть с бешеной собакой, которая вскоре после этого погналась за мной в одном из узеньких переулков Санкт-Петербурга. "Тут уж беги что есть мочи!" - подумал я. Чтобы легче было удирать, я скинул с себя шубу и поспешно укрылся в доме. За шубой я затем послал слугу и приказал повесить ее вместе с другим платьем в мой гардероб.

На следующий день меня до смерти напугали крики моего Иоганна.

- О боже! - вопил он. - Господин барон! Ваша шуба взбесилась!

Я поспешно побежал к нему и увидел, что все мое платье раскидано и ратерзано в клочья. Мой слуга выразился очень метко - шуба именно взбесилась. Я вбежал в то самое время, когда она набросилась на мой прекрасный парадный сюртук и принялась безжалостно таскать его по полу и трепать.

Во всех этих приключениях, милостивые государи, из которых мне удавалось благополучно, хоть иногда и в последнюю минуту, выпутаться, мне на помощь приходила случайность, которую я, обладая достаточным присутствием духа и мужеством, заставлял служить мне. Все это, вместе взятое, и создает, как известно, удачливого охотника, моряка и солдата. Зато достойным всяческого порицания следовало бы считать неосторожного охотника, адмирала или генерала, который полагался бы только на случайность или на свою счастливую звезду и не заботился бы о необходимом совершенствовании своего ремесла, а также не

вооружился бы всеми средствами, которые способны обеспечить успех.

Лично я такого упрека не заслуживаю, ибо всегда славился как высокими качествами своих лошадей, собак и охотничьих ружей, так и особым умением всем этим пользоваться. В полях и лесах долгие годы будет жить слава моего имени.

Я не собираюсь во всех подробностях расписывать свои конюшни, псарни или свой оружейный склад, к чему обычно склонны юнкера-собачники, лошади и охотники. Все же две мои собаки так отличились, служа мне, что я хочу, пользуясь случаем, хоть вкратце упомянуть здесь о них. Один из моих псов, лягаш, был так неутомим, внимателен и осторожен, что все видевшие его завидовали мне. Я имел возможность пускать его в дело и днем и ночью. Когда темнело, я вешал ему на хвост фонарик и мог охотиться так же хорошо, если даже не лучше, чем при дневном свете.

Однажды (это произошло вскоре после моей женитьбы) жена моя выразила желание принять участие в охоте. Я поехал вперед, чтобы высмотреть что-нибудь подходящее, и вскоре мой пес замер перед стаей в несколько сот куропаток. Жду я, жду свою жену, которая в сопровождении моего адъютанта и гайдука выехала сразу вслед за мной, но никого не видно и не слышно. В конце концов я забеспокоился и повернул назад. Примерно на полдороге внезапно до меня донесся жалобный плач. Казалось, плач раздается совсем близко, а между тем куда ни глянь - не видно ни живой души.

Соскочив с коня, я приложил ухо к земле и тогда не только услышал, что плач доносится из-под земли, но и совершенно ясно уловил голоса моей жены, моего адъютанта и гайдука. И тут я заметил недалеко от себя вход в угольную шахту. Не могло быть сомнения в том, что моя несчастная жена и ее спутники провалились в эту шахту. Пустив лошадь в карьер, я понесся в ближайшую деревню за углекопами, которым после очень длительной и трудной работы удалось извлечь пострадавших из ямы глубиной в девяносто сажен.

Первым они вытащили гайдука, затем его коня, затем адъютанта, за ним его коня, потом мою жену, и наконец ее турецкого клеппера. Самым удивительным во всей этой истории было то, что люди и лошади при таком страшном падении остались, если не считать нескольких незначительных ссадин, невредимыми. Но испуг они пережили ужасный! Об охоте, как вы легко можете себе представить, уже думать не приходилось, и так как вы, надо полагать, за этим рассказом забыли о моей собаке, то не удивитесь, что и я не вспомнил о ней.

Служебные обязанности заставили меня на следующее же утро отправиться в дальнюю поездку, из которой я вернулся лишь через две недели.

Не прошло и нескольких часов после моего приезда, как я заметил отсутствие своей Дианки. Никто о ней за все это время не побеспокоился. Слуги были убеждены, что она побежала за мной, и вот теперь, к великому моему огорчению, ее нигде не могли сыскать.

Внезапно у меня мелькнула мысль:

"А не осталась ли собака у куропаток?"

Надежда и страх заставили меня немедленно помчаться к месту охоты, и представьте себе! - к несказанной моей радости оказалось, что собака стоит на том же месте, где я оставил ее две недели назад!

- Пиль! - крикнул я. Она сразу бросилась вперед, и я одним выстрелом уложил